

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА. ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 373;091

М. Ю. Гвоздецкий

Тенденции развития идеи К. Д. Ушинского о народности воспитания в отечественном образовании на рубеже XX–XXI вв.

Анализируются тенденции развития идеи К. Д. Ушинского о народности воспитания в российском образовании конца XX–начала XXI вв. Обсуждаются взгляды современных ученых, трактующих идею народности воспитания как средство: 1) обеспечить социальную и национальную интеграцию России; 2) сохранить традиционный российский идеал воспитания; 3) возродить духовно-нравственные ценности российского самосознания.

Ключевые слова: народность, педагогическая теория К. Д. Ушинского, социальная и национальная интеграция, духовно-нравственное воспитание, история российской педагогики.

M. Ju. Gvozdetsky

Tendencies of Development of K. D. Ushinsky's Idea about the National Character of Education in Russian Pedagogics of the late XX–early XXI c.

The paper analyzes some tendencies of development of K. D. Ushinsky's idea about the national character of education in Russian Pedagogics of the late XX–early XXI c. Opinions of modern scholars are discussed treating the idea of the national character of education as a means: 1) to keep up the social and national integration of Russia; 2) to preserve a traditional Russian educational ideal; 3) to revive spiritual and ethical values of Russian mentality.

Key words: nationality, pedagogical theory of K. D. Ushinsky, social and national integration, spiritual and ethical education, history of Russian Pedagogics.

На рубеже XX–XXI вв. возрос интерес к идее народности в отечественном воспитании, связанный со стремлением заново осознать перспективы воссоздания национальных традиций в условиях реформы российского образования. Основоположителем идеи народности воспитания в отечественной педагогической науке по праву считается К. Д. Ушинский. Уже современники великого русского педагога отмечали важное место этой идеи в его концепции воспитания; ей отводили ведущую роль многие его ученики, последователи и аналитики [7, 11].

Идея К. Д. Ушинского о народности воспитания вобрала в себя весь опыт зарубежной и отечественной педагогики, накопленный в России к середине XIX в., что обусловило ее преемственность по отношению к разным направлениям философии образования: к немецкой педагогике, укорененной в общественно-демократических настроениях буржуазной Реформации и в теории культуросообразности воспитания, вытекающей из философии романтизма; к теориям россий-

ских просветителей, либералов, славянофилов, демократов, отстаивавших народно-самобытные традиции воспитания; к взглядам консервативно-государственного крыла российского общества, в том числе к теории официальной народности С. С. Уварова. Однако взгляды К. Д. Ушинского на народность воспитания нельзя отождествлять ни с одним из указанных направлений.

Идея народности воспитания рождается в творчестве К. Д. Ушинского из 2-х начал – христиански интерпретируемой идеи общего блага и антропологически трактуемой идеи народного характера, который сообщает воспитанию жизненную силу. Наш анализ взглядов ученого на народность воспитания позволяет прийти к выводу, что идея народности тесно связана с 2-мя другими составляющими его педагогической теории (наукой и религией) и формирует 3 стороны воспитания:

Общественно-демократическая сторона имеет целью удовлетворение запросов общества вне связи с политическими интересами, обеспечива-

ет приобщение учащихся к достижениям научно-технического прогресса;

Национально-самобытная сторона направлена на целостное развитие личности посредством освоения народных идеалов и традиций через родной язык, словесность, культуру, творческий труд;

Религиозно-нравственная сторона служит духовному возвышению человека через приобщение к заветам и традициям христианства.

История осмысления и развития идеи К. Д. Ушинского о народности воспитания отображает изменения общественно-политической обстановки в нашей стране. До революции сложились 2 ее трактовки, отражавшие позиции интеллигенции и крестьянства: 1) приобщение трудящихся масс к научному прогрессу (при сохранении национальных приоритетов – родного языка, патриотизма) [14]; 2) консервация традиционного образа жизни православной сельской общины (при освоении некоторых элементов европейской науки и культуры) [12]. В советское время возобладали общественно-демократическая трактовка, но под давлением тоталитарного государства [8]. Национальная самобытность осваивалась с целью патриотического воспитания в годы и после Великой Отечественной войны, приспособившись к коммунистической или общегуманистической идеологии [9, 10]. Акцент ставился на изменчивость национального идеала. Невостребованной оставалась в то время религиозно-нравственная сторона народности воспитания.

Наш анализ научной литературы показал, что в постсоветскую эпоху творческое осмысление и развитие получили все 3 стороны народности воспитания по К. Д. Ушинскому. Ее общественно-демократический потенциал оценивается как продуктивное средство разграничения сфер влияния общества и государства в школьном воспитании, а также как путь преодоления социальной и этнической дезинтеграции российского общества. Национально-самобытное начало – как способ формирования национальной идеологии, сохранения национальной идентичности, открытой для диалога с другими культурами. Христиански-религиозная сторона идеи народности воспитания служит приобщению к духовно-нравственным ценностям народа.

Отметим важнейшие тенденции осмысления идеи К. Д. Ушинского о народности воспитания в отечественном образовании на рубеже XX–XXI вв.

Во-первых, это акцент на общественном характере воспитания в противовес государственному заказу: не только демократизация образования, но и выстраивание его в соответствии с особенностями и потребностями развития народа. Народность воспитания предстает здесь как интегрирующая национальная идея, формирующаяся посредством общественного мнения [6].

Во-вторых, это развитие национальной самобытности воспитания, ставшее актуальным как для школ автономных республик РФ [13], так и, прежде всего, для русской школы [1, 3, 5]. Характерно также внимание к региональному компоненту воспитания, особенно в сельской местности [2].

В-третьих, это осмысление и развитие опыта религиозного воспитания в рамках семьи и школы как важного компонента российского самосознания, обретающего новый смысл благодаря сотрудничеству церкви и государства в области социальных проблем [4].

Попытаемся дать этим тенденциям более детальную характеристику.

Первая тенденция – это заострение *общественно-демократического* смысла народности воспитания применительно к нынешнему российскому социуму. В постсоветскую эпоху заметно стремление интерпретировать народность воспитания по К. Д. Ушинскому в духе осуществления общественных инициатив в противовес государственным. Подчеркивая, в первую очередь, общественный пафос идеи народности воспитания, Э. Д. Днепров противопоставляет общество государству: «Ушинский был свободен от государственных иллюзий. Не государство, а общество, во всех его слоях и классах, было для него демиургом ... развития образования» [6, с. 50].

По нашему мнению, столь жесткого противопоставления общества и государства как субъектов воспитания в трудах К. Д. Ушинского нет. Ученый выступал против официального давления правительства на образование и против придания ему политической окраски, но признавал важную роль государства в общественном воспитании. Вместе с тем, приветствовал всякую общественную инициативу снизу, частично разграничивая сферы влияния государства и общества [15, с. 84–87]. Заостряя указанное противопоставление, Э. Д. Днепров, по-видимому, стремится развенчать прежний, жестко идеологический подход в педагогике, обусловленный дав-

лением тоталитарного государства. И это было актуально для эпохи перестройки.

В настоящее время идея К. Д. Ушинского о народности воспитания рассматривается также как девиз интеграции разных слоев общества вопреки дифференциации доходов. Как показывает В. Ю. Бельский, К. Д. Ушинский, признавая различия в воспитании простого народа и высших кругов, акцентирует те черты народного характера, которые могли объединить сословия в их стремлении к общему благу. Фактически, заключает В. Ю. Бельский, великий педагог пришел к необходимости создания «целостной системы воспитания, которая бы опиралась на историю, традиции русского народа и соответствовала бы степени его развития, его характеру и его религии» [3, с. 224–225].

Неприятие К. Д. Ушинским социальной дезинтеграции в деле народного воспитания, отмечает также Э. Д. Днепров, когда явно одобрительно пишет о том, что великий педагог не попал под «обаяние народнических идей революционной демократии, противопоставлявшей... «простой народ» испорченному «обществу» [6, с. 50]. Согласно Э. Д. Днепрову, идея народности воспитания выступает в трудах К. Д. Ушинского как «интегрирующая идея» [6, с. 49]. Мысль эта актуальна в нашей стране сейчас вследствие социального расслоения общества.

Вторая тенденция – стремление осмыслить национальную самобытность воспитания по К. Д. Ушинскому в плане отношения российского менталитета к западным ценностям. Так, Э. Д. Днепров настаивает на «открытом» понимании народности воспитания К. Д. Ушинским, выдвигая на 1-й план смысловые акценты, вызванные потребностями образования в эпоху перестройки – «поднять железный занавес» [6, с. 47–48, 51–52]. Напротив, для В. Ю. Бельского осознание К. Д. Ушинским духовного своеобразия русского воспитательного идеала, отвечающего нуждам новой российской государственности, важнее [3, с. 162–164]. На наш взгляд, идее К. Д. Ушинского о народности воспитания равно чужды как «прозападная» позиция, так и позиция изоляционизма, имевшие приверженцев среди его современников. Однако попытка расслышать разные обертоны во взглядах великого педагога помогает понять глубокую диалектику его воззрений на народность воспитания.

Третья тенденция – это осознание теснейшей взаимосвязи общественного и национально-самобытного аспектов народности воспитания с

аспектом *религиозно-нравственным* (духовными традициями народа).

В концепции русской школы И. Ф. Гончарова понимание отечественной культуры как первичной для освоения культуры общечеловеческой сочетается с приоритетом духовности, синтезом религиозных и светских традиций народа в воспитании и ключевой ролью семьи в приобщении к национальному образу жизни [5, с. 61–64].

Е. П. Белозерцев принимает дополнительную ось измерения идеи народности воспитания: наряду с вектором «Запад – Восток» вводит вектор «Север – Юг», где Север – народные, древнерусские традиции воспитания, а Юг – пришедшие из Византии традиции религиозные, православные [1, с. 202]. Особое смысловое наполнение получает осевая линия «Запад – Восток»: Запад – принцип научности, секулярный, рациональный характер педагогической культуры; Восток – «самодержавие» как принцип защиты государством национального своеобразия воспитания [1, с. 204]. Разумеется, самодержавие в этой формулировке – метафора, позволяющая четче обозначить роль государства как гаранта сохранения национальных традиций. Четырехгранная схема Е. П. Белозерцева может рассматриваться как расширение триады К. Д. Ушинского (наука – народность – христианство) применительно к современным условиям. Причем «государственный» подход справедливо трактуется Е. П. Белозерцевым не как «иллюзия», а как необходимая защита общества от потери национальной самобытности. Думается, благодаря введению 4-х координат в осмысление народности воспитания Е. П. Белозерцеву удалось поднять проблему на новый уровень, отвечающий самосознанию российского педагогического сообщества XXI в.

Народность воспитания рассматривается ученым двояко: как общественная идея и как принцип образования. В первом качестве она связывается с потребностью воссоздания национальной идеологии и выступает как основа российской государственности; во втором качестве определяет требования к самой системе образования.

Утверждая значимость народности воспитания в нынешней России, Е. П. Белозерцев отмечает: для развития народности как идеи нельзя обойтись без внимательного изучения наследия К. Д. Ушинского; для развития ее как принципа образования нужно исследовать образовательную среду в отдельных регионах России, то есть

учитывать педагогический контекст ее реализации [1, с. 196, 198].

Разграничение Е. П. Белозерцевым идеи и принципа в народности воспитания может быть интерпретировано как дальнейшее развитие важной дихотомии, выявленной им в ходе анализа концепции К. Д. Ушинского: народность есть одновременно цель и средство воспитания [1, с. 223]. «Принцип», по Белозерцеву, «как бы культивирует идею, укрепляет ее, создает условия для материальной и духовной реализации» [1, с. 196].

Развивая взгляды К. Д. Ушинского на народность воспитания как культивирование народного характера, Е. П. Белозерцев обращается также к высказыванию К. Н. Леонтьева о том, что «начиная образование, нельзя уничтожать в воспитаннике силы народного характера, приводя его к некоему общему знаменателю усредненного грамотного человека» [1, с. 206]. Ход мысли Е. П. Белозерцева согласуется с взглядом К. Д. Ушинского на среднее (общее) образование как путь цельного развития личности на почве национальных традиций. В настоящее время этот взгляд служит предостережением против засилья в школе не только какой-либо односторонней западной культурной модели (классицизм, прагматизм, и т. п.), но и так называемой «массовой культуры» [1, с. 207].

Признавая разумным мнение В. С. Соловьева о 2-х воспитателях каждого человека – отечестве и человечестве [1, с. 205], в своих дальнейших рассуждениях Е. П. Белозерцев, вслед за К. Д. Ушинским, ставит акцент на первом. Национальная культура для него, как и для Ушинского – это не только форма (средство) приобщения к общечеловеческому, но единственная и естественная среда, в которой таковое возможно.

Понятие «культурно-образовательной среды» является ключевым в педагогической концепции Е. П. Белозерцева, признается «методологически неизбежным», базируется на историческо-социальных основаниях как «форма актуализации прошлого и укоренения настоящего». Ученый образно обосновывает значение «педагогической среды»: «наша родина так богата и многолика, что в ней легко заблудиться» [1, с. 52–54]. Трактуются понятие культурно-образовательной среды двояко. С одной стороны, это духовная среда, созданная светочами российской культуры и воплощенная в слове. С другой стороны, культурно-образовательная среда – это и вполне кон-

кретная территория, окружающая школу (родной край, малая родина, с которой начинается детство каждого человека).

Е. П. Белозерцев, отстаивая идею русской школы, по-новому трактует мысли К. Д. Ушинского о воспитательной роли окружающей среды в осуществлении народности воспитания в отдельном регионе и местности, в том числе – на селе. По его мнению, использование идеи народности воспитания не может ограничиваться уровнем содержания учебно-воспитательной работы (приобщение к духовно-нравственным ценностям народа, его истории, святыням и т. п.). Школа должна стать центром просветительской работы, объединяя вокруг себя социально-культурные учреждения и трудовые коллективы в целях формирования единой базы воспитания детей, проживающих на данной территории [1, с. 231–247]. Установка на педагогизацию окружающей среды и социализацию школы необычайно важна для укрепления гражданского и национального самосознания нынешнего российского общества.

Для Е. П. Белозерцева, как и для К. Д. Ушинского, народность воспитания видится центральной составляющей образования как социально-педагогической системы. Цель воспитания – духовно-нравственное становление человека, рассматривается в тесной связи с глобальным смыслом образования – поддержанием, пестованием национального самосознания [1, с. 474–475]. Служа полному развитию природы человека и формированию его личности, образование предназначено в идеале для того, чтобы человек мог чувствовать себя счастливым: «миссия образования – счастливый человек» [15, с. 475, 504]. Образование – это не столько овладение каким-либо знанием, сколько осознание человеком своей сущности. А сущность отдельного человека не абстрактна, но укоренена в жизни его народа. Поэтому высший идеал образованности видится ученому в таком «духовном состоянии нации, росте национального самосознания, когда в обществе сформировалась совокупность идей, отражающая общие интересы и могущая быть доступной каждому гражданину» [1, с. 502–503]. Подобно К. Д. Ушинскому, Е. П. Белозерцев дает антропологическое обоснование народности воспитания, в основе которого лежит представление об общем благе, но развивает его в направлении личностного самоощущения и само-совершенствования [1, с. 34–35].

Осмысление и развитие идеи К. Д. Ушинского в отечественном образовании на рубеже XX–XXI вв. позволяет сделать вывод, что эта идея, сформировавшаяся в ответ на вызовы своего времени, сохраняет воспитательные потенции и в наше время.

Библиографический список:

1. Белозерцев, Е. П. Образование: историко-культурный феномен [Текст] / Е. П. Белозерцев. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 704 с.
2. Белозерцев, Е. П., Черных Л. А. Идея и принцип народности в образовании: современная сельская школа [Текст] / Е. П. Белозерцев, Л. А. Черных. – Елец, 2003. – 307 с.
3. Бельский, В. Ю. Принцип народности в системе социально-философских воззрений К. Д. Ушинского [Текст] : монография / В. Ю. Бельский. – М. : Московский университет МВД России, 2002. – 161 с.
4. Галицына, Л. В. Православный взгляд на педагогическое наследие К. Д. Ушинского [Текст] / Л. В. Галицына // Образование. – 2004. – № 5. – С. 2–56.
5. Гончаров, И. Ф. К. Д. Ушинский и русская национальная школа [Текст] / И. Ф. Гончаров // Вестник Герценовского университета. – 2009. – № 3(65). – С. 69–77.
6. Днепров, Э. Д. Ушинский и современность [Текст] / Э. Д. Днепров. – Гос. ун-т ; Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 232 с.
7. Люстрицкий, В. Ф. Очерк деятельности К. Д. Ушинского и его взгляд на общественное воспитание [Текст] / В. Ф. Люстрицкий. – Казань, 1882. – 43 с.
8. Медынский, Е. Н. Великий русский педагог К. Д. Ушинский [Текст] / Е. Н. Медынский // Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1946. Том 33. Памяти К. Д. Ушинского. – С. 5–27.
9. Михайлов, И. М. Педагогические идеи К. Д. Ушинского в теории и практике В. А. Сухомлинского [Текст] / И. М. Михайлов // К. Д. Ушинский и современные проблемы просвещения. – Чебоксары, 1974. – С. 78–81.
10. Михайлов, С. В. Идея народности в педагогической системе К. Д. Ушинского [Текст] / С. В. Михайлов // Ученые записки Ярославского Пединститута. – Ярославль. – 1948. – Вып. 13 (23). – С. 29–52.
11. Модзалевский, Л. Н. О народности в воспитании по Ушинскому [Текст] / Л. Н. Модзалевский // Памяти К. Д. Ушинского. – СПб., 1896. – С. 151–162.
12. Рачинский, С. А. Сельская школа [Текст] / С. А. Рачинский. – М., 1991. – 240 с.
13. Сковородкина, И. З. Этнопедагогический подход к образованию народов России: история, теория, практика [Текст] : монография / И. З. Сковородкина. – М. : ИТИП РАО, 2008. – 163 с.
14. Стоюнин, В. Я. К. Д. Ушинский [Текст] / В. Я. Стоюнин // Избранные педагогические сочинения. – М. : Педагогика, 1991. – 368 с.
15. Ушинский, К. Д. Избранные труды [Текст] / К. Д. Ушинский. – В 4 кн. Книга 1. Проблемы педагогики. – М. : Дрофа, 2005. – 638 с.